

I. Особенности геополитической ситуации в Каспийском регионе

Район Каспийского моря превращается в стратегическую зону глобального значения с весьма реальной перспективой превратиться в очаг международной напряженности по остроте, возможно, превосходящий Ближневосточный регион. На первый взгляд, подобная перспектива вызвана громадными запасами углеводородного сырья, по оценкам, уступающим только Сибирским и Ближневосточным месторождениям. Действительно, для большинства стран и ТНК именно экономический фактор является главным стимулом вовлеченности в Каспийскую зону в целях доступа к новым источникам энергоресурсов (для одних – в силу экономической необходимости, для других – в целях ослабления односторонней зависимости от ближневосточной или российской нефти). В то же время существует группа стран, для которых значение данного региона не ограничивается чисто экономическими факторами, а представляет политический и военно-стратегический интерес.

Сверхостроту будущей ситуации в регионе придает ряд обстоятельств, который и определяет специфику Транскаспийской геозоны в мировой политике. Среди них наиважнейшими являются следующие.

Первое. Регион становится зоной повышенного внимания одновременно Севера и Юга, Востока и Запада. За этими географическими названиями стоят такие страны или группы стран: с Севера – Россия, с Юга – страны Ближнего и Среднего Востока, включая Пакистан и Афганистан, с Востока – Япония и КНР, а также некоторые государства АСЕАН (в частности, Индонезия и Малайзия), с Запада – почти вся Европа, плюс США и Канада. Это редкий случай в мировой политике, когда в одной зоне одновременно перекрестились оси Север–Юг, Восток–Запад. Хотя уже более 30 государств и десятки ТНК вовлеклись в те или иные формы сотрудничества в регионе, ситуацию в регионе будет определять небольшое количество государств, а точнее не больше пяти.

Второе. Специфику региону придает тот факт, что объектами “игры” являются бывшие советские республики Центральной Азии и Кавказа, рассчитывающие утвердиться в качестве полноправных независимых государств. Это крайне трудная задача, учитывая разрушенную и ослабленную экономику, а также не устоявшиеся общественно-политические системы, многие из которых исламизированы. Все вкуче делает их весьма податливыми на различного рода манипуляции.

Третье. Особенность региона заключается и в том, что в силу геостратегического расположения в район Каспийского моря вовлечены две крупные региональные державы – Иран и Турция, находящиеся по разные стороны “**баррикад**” в отношениях с США. Первая – их стратегический противник, вторая – стратегический партнер по НАТО. И та, и другая страна стремится к региональной гегемонии как на Ближнем и Среднем Востоке, так и в районе Каспийского моря, используя, помимо всего прочего, различные варианты мусульманства. Тем самым, даже взаимоотношения между этими двумя государствами формируют один из сложных узлов противоречий в регионе.

Четвертое. Вовлеченность Японии и КНР в данную зону придает крайне сложный для анализа и прогнозов контекст всей совокупности взаимоотношений, особенно в четырехугольнике США–Россия–КНР–Япония.

Пятое. Хотя в “**игре**” на Каспийском плацдарме задействован весь Запад, основным игроком, без сомнения, есть и будут США. Причем, не сама по себе нефть и газ будут интересовать Вашингтон (это, скорее всего весьма удачный повод), а возможности вписать регион в зону своих национальных интересов для утверждения единоличной гегемонии.

Шестое. Для России, даже, может быть, в большей степени, чем для США, район Каспийского моря важен не столько с ресурсных позиций, сколько как район геостратегической значимости с точки зрения национальной безопасности на юге страны. Сверхважность этого направления становится очевидным, если учесть нашу стратегическую уязвимость на Дальнем Востоке в силу превосходящего военно-политического и экономического потенциала связки США-Япония, стратегической брешы на Севере (особенно после принятия стран Балтии в члены НАТО) и на Западе - в связи с подступами НАТО непосредственно к границам России. Остается пока “**не закрытым**” южный фланг, т.е. Центральная Азия и Кавказ. Однако и здесь есть большая доля вероятности вскрытия этой линии безопасности, если не предпринять превентивные контрмеры.

В результате, главная особенность региона заключается в том, что почти все факторы, воздействующие на ход событий, работают против России. Следовательно, задача российской внешней политики сводится к тому, чтобы предотвратить надвигающийся слом линии безопасности на Юге или хотя бы нейтрализовать наиболее разрушительные факторы ущерба этой безопасности.

2. II. Характеристика политики прибрежных стран

Азербайджан

Стратегическим интересом Азербайджана является утверждение себя в качестве независимого, прежде всего от России, регионального лидера во всей зоне Каспийского бассейна. Стимулом для подобных претензий являются не только запасы нефти, но и самое выгодное геостратегическое расположение Республики. В качестве инструмента реализации данной стратегии выступает взаимная заинтересованность вместе с США и их союзниками “оторваться” от России. Разработка нефтяных месторождений и вывод нефти на мировые рынки должны обеспечить экономический фактор независимости и процветание азербайджанской экономики. Хотя некоторые тактические действия Баку могут рассматриваться, а зачастую и рассматриваются в Москве, как отвечающие взаимным интересам, на самом же деле они не должны вводить в заблуждение. Подобные действия осуществляются или в силу экономической целесообразности на данный момент, или в силу тактической игры в интересах большой стратегии. Реальное отношение Азербайджана к России необходимо оценивать не по официальным речам Г. Алиева, а исходя из логики общей стратегии, которая не обязательно выносится на поверхность. Вместе с тем, антироссийскую направленность в действиях Азербайджана очень легко проследить по публикациям во внутренней печати. В частности, на страницах русскоязычной газеты “Зеркало Баку” Россия прямо обвиняется в подготовке вооруженных групп, например, из националистического движения лезгинов Садвал и союза российских мусульман, а также манипулированием лидеров армянских секретных служб против Азербайджана.

Общая идея аналогичных статей и выступлений официальных лиц, особенно в моменты их нахождения за рубежом на Западе, прежде всего в США, заключается в демонстрации противодействия Москве в деле укрепления своей независимости и суверенитета.

Однако Азербайджан, попадая в эпицентр внимания многих стран, одновременно находится в самом сложном положении в том смысле, что ему крайне трудно выбрать оптимальное поведение или решение в условиях перекрестных интересов столь разнородных государств как США-Россия, Иран-Турция, Грузия-Армения и т. д.

Слабость собственной экономики сковывает маневренность дипломатии Г. Алиева. В то же время следует ожидать, что при тупиковых или патовых ситуациях Азербайджан, в конечном счете, будет выбирать линию, отвечающую интересам США. И никто не должен питать иллюзий на этот счет.

Подобный вывод находит свое подтверждение в официальных заявлениях министра иностранных дел Азербайджана Вилаят Гулиева, который открыто поддержал идею создания военного пакта с Анкарой и Тбилиси, объяснив это тем, что “военно-стратегический союз между Турцией, Азербайджаном и Грузией будет направлен на укрепление безопасности и стабильности в регионе” (февраль 2000 г.).

Казахстан

С осени 1997 г. Казахстан стал склоняться к азербайджанской модели “нефтяной дипломатии” с присущей ей антироссийской направленностью. Помимо общей идеи этой дипломатии – держаться подальше от России, у Казахстана есть одна особенность: ее китайский аспект. Именно “китайский фактор” делает взаимоотношения с США не столь однозначными, какими они складываются у Баку. Известно весьма настороженное отношение Вашингтона к “китайскому нефтепроводу”. Дело в том, что КНР купила контрольные пакеты акций (по 60%) двух крупных нефтедобывающих компаний – “Актюбинскнефть” (три нефтяных месторождения) и “Узеньмунайгаз” (крупнейшее в РК после Тенгизского месторождение углеводородов Узень). Тогда же было заявлено, что Китайская национальная нефтегазовая корпорация (КННК) заключила соглашение на строительство трубопровода Актюбинск-Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР с ответвлением на юг – в Иран (через Туркмению). Формально именно этот “иранский аппендикс” больше всего не нравится американцам. На самом деле “китайский контекст” не вписывается в общую стратегию безопасности США в данном регионе.

В отличие от Азербайджана, однозначно склонившегося к Западу, Казахстан находится в более сложном положении. Ему приходится играть с тремя стратегическими игроками: США, КНР и Россия. И здесь необходимо учитывать не только геополитику текущего дня, но и геостратегию наперед лет в 20–30. Неизвестно, какая конфигурация сложится к тому времени.

Туркменистан

Некоторое время Ашхабад занимал выжидательную позицию относительно транспортировки нефти и газа. После прекращения с марта 1997 г. поставок природного газа на Украину и Кавказ (по инициативе Газпрома) обсуждались различные варианты прокладки газопровода через Афганистан, Пакистан и Индию, а также через территории Ирана и Турции в Европу. Однако после того как “иранский путь” был заблокирован Вашингтоном, и в отсутствие инициатив из Москвы, Ашхабад принял решение действовать с опорой на Запад. Визит С. Ниязова в США (в конце апреля 1998 г.) положил конец колебаниям. Подписанные там 15 документов свидетельствуют о том, что отныне Туркменистан намерен полагаться и рассчитывать, прежде всего, на США. Дело не только в том, что туркменский президент согласился на рассмотрение в качестве возможного маршрута для газа через Азербайджан и Грузию, а также подписал соглашения о “стратегическом альянсе” с англо-американскими нефтяными компаниями. Главное в том, что С. Ниязов потерял веру в возможность и желание России плодотворно, не ущемляя интересов Туркмении, сотрудничать со своей бывшей республикой. Это послужило причиной постоянно повторяемой Ниязовым фразы о том, что “каждая независимая страна имеет право делать выбор маршрутов поставок и реализовывать свои национальные природные ресурсы”. Другими словами, Россия фактически толкнула Туркмению на позиции Азербайджана и Казахстана относительно решения всей совокупности проблем по модели, наносящей ущерб национальным интересам России. Недавний визит Президента РФ в Туркмению вряд ли изменит стратегическую позицию Ашхабада, если за словами об “исторической дружбе” не последуют дела в виде “финансовых” вливаний в разработку Туркменских газовых месторождений.

Иран

Позицию Ирана по широкому спектру проблем в районе Каспийского моря можно рассматривать как наиболее соответствующую национальным интересам России.

Иранские аналитики полагают, что ранее мирная международная обстановка вокруг Каспийского моря усложняется в результате “прямого или косвенного вовлечения внерегиональных держав, чьи особые “западные” перспективы отдают их специфическим ароматом”.

Тегеран в целом позитивно оценивает развитие своих отношений со всеми прикаспийскими государствами, отвергая приписываемые ему намерения навязать

свой вариант “исламского фундаментализма”. В раскрутке такого имиджа, считают в Иране, заинтересованы именно те державы, которые сами стремятся к внедрению в регион.

Тегеран полагает, что наличие громадных запасов нефти и газа (по его данным, они равны: нефть – 59,2 млрд баррелей, газ – 57,1 трлн куб м) требуют пересмотра правовых норм их эксплуатации, однако до этого необходимо придерживаться Ирано-Советских договоров 1921 и 1940 гг. Тем более, подчеркивают иранцы, что ООНовский документ от 6 октября 1994 г. подтвердил их действие до тех пор, пока не будут подписаны новые соглашения.

Иран подчеркивает, что поскольку члены Содружества, включая страны Центральной Азии и Кавказа, подтвердили Декабрьскую декларацию 1991 г., принятую в Алмате, значит они должны следовать всем соглашениям и договорам, подписанных бывшим СССР. Поэтому попытки разделить Каспийское море на множество территориальных зон или попытки прибрежных государств расширить свой территориальный суверенитет в море явятся нарушением международных правил и поставят под угрозу коллективные интересы стран Каспийского моря.

Иран настоятельно требует совместных усилий по выработке новой законодательной базы для деятельности на Каспии, исходя из заботы о сохранении рыбных запасов, экологической чистоты и безопасности добычи нефти и газа. Причем постоянно оговаривается, что в этом процессе должны участвовать только прибрежные страны, поскольку вмешательство внерегиональных государств неизбежно осложнит выработку соответствующих документов.

Тегеран предлагает создать коллективный орган – Организацию по сотрудничеству в Каспийском море (The Caspian Sea Cooperation Organization - CASCO), которая должна работать над проблемами, ведущими, в частности, и к таким желательным результатам: 1) сдержать гонку вооружения, 2) обеспечить безопасность транспортировки нефти и газа на базе контроля многосторонних сил, 3) рентабильно использовать все расходы по добыче и транспортировке энергетических ресурсов.

Тегеран полагает, что район Каспийского моря должен сохранить статус демилитаризованной зоны в долгосрочной перспективе. В таком подходе, безусловно, заложена антиамериканская и антинатовская направленность внешней политики

Ирана, однако она не может не быть оценена высоко, имея в виду намерения США через Турцию натоизировать регион.

Общая позиция Ирана заключается в том, чтобы все проблемы, связанные с развитием района Каспийского моря, предпочтительнее решать через международные организации типа предложенного CASCO, и/или Организацию экономического сотрудничества (Economic Cooperation Organization - ECO), куда входят 10 стран (Иран, Пакистан, Турция, Афганистан, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан).

Во множестве иранских публикаций подчеркивается, что введение доктрин “баланса сил” или “баланса интересов” в контекст международных отношений в районе Каспийского моря принесет собой обычное соперничество не только между крупными державами, но и втянет в эти “игры” все государства региона. В качестве примера обычно приводится опыт Персидского залива и Средиземного моря.

Тегеран постоянно подчеркивает, что Ирано-Российские отношения являются фактором стабильности, помимо всего прочего, и потому, что Иран и Россия придерживаются “более или менее общих взглядов” на региональные проблемы. В этой связи обращается внимание на то, что многие западные обозреватели пытаются представить эти отношения как “соперничество в недавно рожденных республиках Центральной Азии”. Как свидетельствует практика, такого типа “предсказания” не оправдались.

Что же касается эксплуатации нефти и газа, то для России и Ирана существует база для непротиворечивого сотрудничества. Имеется в виду, что Иран объективно заинтересован в строительстве сети транспортных путей как на Севере (т.е. на российской территории), а Россия заинтересована в строительстве аналогичных путей на юге (т.е. на иранской территории). Такая сеть позволит России через Центральную Азию выходить на Южную Азию, Китай, Японию и вообще на Дальний Восток, а также в зону Персидского залива. В то же время Иран может воспользоваться северными путями для выхода на Север и в Европу.

Ясно, что в вышеизложенном подходе Ирана, с одной стороны, заложена антиамериканская направленность ее политики, с другой – забота о собственных национальных интересах. Объективно и тот, и другой аспекты совпадают с интересами России.

Проблема же заключается в том, что ни у Ирана, ни у России, ни у прикаспийских государств нет достаточных средств для реализации предлагаемых вариантов. А это в свою очередь снижает цену “иранской карты” для всех государств-реципиентов, озабоченных текущей политикой, направленной главным образом на “вышибание денег”.

Однако для таких стран как Россия и Китай, которые волей-неволей втянуты в большую геостратегическую игру, Иран является одним из важнейших факторов, использование которого позволяет менять конфигурацию соотношения сил в отношениях как с Западом в целом, так и с США, в частности.

3. III. Основные интересы стран Запада и Китая

США – главная угроза национальным интересам России

Для всех должно быть очевидным, что США являются главным актором в регионе, деятельность которых ориентирована на формирование структурированной системы, соответствующей стратегическим интересам Вашингтона, которые однозначно формулируются в категориях мирового лидерства. В Докладе Совета национальной безопасности США “Стратегия национальной безопасности в новом веке” (май 1997 г.) сказано: в зону энергетической безопасности США “входит Каспийский бассейн с потенциалом нефтяных запасов в 200 млрд баррелей”. Значимость данного “бассейна” в еще более расширительном варианте воспроизведено в последующих Стратегиях (за 1998 и 1999 гг.). Однако значение бассейна имеет более широкий контекст, на что четко указал сенатор Сэм Браунбэк: “США имеют колоссальные интересы в Каспийском бассейне, в странах Центральной Азии и Южного Кавказа, которые его окружают. Это - зона жизненной политической, экономической и социальной важности Соединенных Штатов”. В рамках доктрины национальных интересов США термин “жизненно важный” по своей значимости уступает только термину “фундаментальные интересы”. В аналогичном ключе значение Каспийского региона определяет другой конгрессмен - Марк Гейдж, обвиняющий Москву “в манипулировании новыми независимыми странами в Средней Азии, пытаясь подвязать их к энергетическому экспорту через трубы, контролируемые Россией”.

В 1997 г. тема Каспийского региона попадает в такой важный документ как “Трансформация обороны национальной безопасности в 21 веке” (декабрь 1997 г.), подготовленный группой высокопоставленных специалистов по национальной обороне в дополнение и в развитие Доклада У. Козна “4-й оборонный план” (май 1997 г.) В порядке дополнения к докладу Козна авторы документа предлагали внести следующее: “Географические реальности предъявляют большие требования к потенциальным возможностям силы. Например, поскольку нефтяные и газовые месторождения в Центральной Азии обладают стратегической ценностью, нам необходимо запланировать использования силы на больших расстояниях, значительно дальше от берегов и существующих баз”. Предложение: в рамках Объединенного командования переформировать “Центральное командование таким образом, чтобы оно, сфокусировавшись на нефтяных источниках Персидского залива и Каспийского моря, могло бы сохранить текущие задачи без Пакистана, Египта, Судана и Иордании, одновременно расширив их за счет включения в зону его ответственности Туркменистана, Узбекистана, Казахстана, Киргизии и Таджикистана”. Что и было сделано.

Таким образом, абстрактно-теоретические разговоры о значимости региона в начале 90-х годов перешли на уровень реальной экономической политики середины 90-х годов. И точно также теоретические разговоры о военно-стратегической значимости региона конца 90-х годов перейдут в практическую военную политику США в первой декаде следующего века.

В настоящее время осуществляется обкатка политических, военных и стратегических аспектов значимости региона, которую ведут профессиональные специалисты по указанным проблемам в наиболее значимых американских центрах, университетах и институтах. Сам список вовлеченных говорит сам за себя. Это – Фонд наследия, Рэнд Корпорэйшн, Центр национальной безопасности Хадсоновского института (Вашингтон), Институт национальной стратегии Университета национальной обороны, Совет национальной безопасности (Белый дом), Совет национальной обороны (Пентагон), Центр по международной безопасности и контролю за разоружением (Стэндфордский университет), Центр политической безопасности (Вашингтон) и т.д. Усилиями прикаспийских активистов начали издаваться специализированные журналы по проблемам Каспийского региона, среди них журнал “Каспийский перекресток”, “Каспийское обозрение” и др., в которых обкатываются те или иные идеи освоения региона, почти все имеющие антироссийскую заостренность.

В набирающее силу “прикаспийское ядро” входят весьма авторитетные в прошлом и настоящем деятели Америки, многие из которых имели и имеют отношение к военным, военно-политическим и военно-стратегическим структурам США. К примеру, в это “ядро” входят: бывшие министры обороны Дик Чейни и Уильям Перри, бывший начальник штаба Джон Сунуну (при Буше), бывший помощник Клинтона по вопросам СНГ Койт Блэккер, бывший министр финансов Ллойд Бенстен, упоминавшийся сенатор Сэм Браунбэк и конгрессмен Марк Гейдж, известный Зб. Бжезинский, группа высокопоставленных сотрудников ЦРУ и др.

Необходимо так же иметь в виду, что “куратором” каспийского направления во внешней политике США является вице-президент А. Гор. Следовательно, в случае его победы на президентских выборах Каспийский блок станет ключевым звеном в стратегии США в начале следующего века.

Цели и задачи США в районе Каспийского моря

Естественно, различными кругами они определяются по-разному, но объединяет их всех одна стратегическая идея, многократно озвученная Клинтонем, - закрепить нынешнее лидерство США в мире, в том числе и в Каспийском регионе. Наиболее лаконично для данного региона эти цели сформулировал сенатор С. Браунбэк: содействовать тому, чтобы “государства Каспийского бассейна стали сильными, независимыми, жизнеспособными экономически и суверенными политически”. Для чего это надо США? Сенатор отвечает:

Во-первых, эти страны являются главной сдерживающей силой против распространения Ираном в северном направлении антизападного экстремизма.

Во-вторых, принимая во внимание объемы запасов нефти стоимостью в 4 трлн долл, инвестиции США в этот регион могут ослабить зависимость страны от импорта из беспокойного Персидского залива и могут стать альтернативой иранским источникам нефти.

В-третьих, усиление рыночной экономики вблизи России и Китая смогут положительно повлиять на эти две страны на их каменистом пути к свободе (считается, что у нас с КНР этих свобод не существует – О.А.).

В-четвертых, эти страны, многие из которых способны обладать ядерным оружием, находятся на переднем крае в деле распространения оружия массового уничтожения.

В-пятых, этот регион дает возможность распространить свободу и идеи демократии, что позволит им после многих лет борьбы с коммунизмом установить демократические правительства и создать условия для развития плюралистических обществ, включая религиозную терпимость.

Обращает на себя внимание то, что только один пункт имеет непосредственное отношение к экономике. Все остальное политика и “война”.

Более уточненный список целей приведен в работе Поля Хенца (в соавторстве с Эндерсом Уимбашем), возглавляющим Рабочую группу по национальностям внутри СНГ. Среди них красноречивыми являются следующие цели США:

- помогать новым государствам Центральной Азии сформировать свои политические системы и экономики, обращая особое внимание на Узбекистан и Казахстан;
- содействовать восточно-западной экономической интеграции региона от Черного моря до Китая. Включить в это интеграционное пространство Россию как равную, но не привилегированную неоимпериалистическую державу. Россия должна очень сильно потрудиться в деле развития нового типа отношений в регионе;
- признать роль “Кавказа” как энергетического запасника в 21 веке, помочь Азербайджану в эксплуатации нефти и газа и поддержать Грузию в качестве главного транспортного пути по перекачке нефти на мировой рынок из Азербайджана и Центральной Азии;
- скоординировать американские отношения с Арменией таким образом, чтобы они вписались в американские стратегические цели и реальные национальные интересы.

В еще более откровенной и резкой антироссийской форме цели США определяются представителями Фонда наследия, которые предлагают рассматривать “российское государство” как “угрозу Соединенным Штатам, Западу и самому русскому народу”.

Эта идея прозвучала в выступлении одного из ведущих специалистов Фонда – Ариеля Коэна - на конференции, организованной Фондом в январе 1998 г., в которой принимали участие такие официальные лица, как Стефан Сестанович, конгрессмен М. Гейдж и другие ведущие эксперты США. Следует добавить, что Фонд наследия весьма критически относится к новому Президенту РФ, предостерегая администрацию Клинтон от необходимости устанавливать “рабочие отношения с Путиным для помощи России в развитии демократических институтов и свободного рынка”.

А вот как определяет ситуацию в регионе в контексте задач США директор Института стратегических исследований Дуглас Лавлейс: “Цель Соединенных Штатов необратимо интегрировать эти государства (страны Центральной Азии и Кавказа – О.А.) в систему западных государств может актуализировать международное соперничество с Россией. Москва все еще рассматривает эту зону как часть своих интересов и сильно возмущается вовлеченностью Соединенных Штатов в этот регион. Более того, нынешняя война Москвы с желающей оторваться от нее Чечней демонстрирует намерение противодействовать расширяющимся интересам Соединенных Штатов силой”. Сотрудник данного Института Стефан Блэнк весьма подробно развивает тему противоречивых интересов России и США, полагая, что именно в Прикаспийском регионе наибольшая вероятность военного конфликта между двумя державами.

Конечно, надо учитывать, что на данный момент на официальном уровне Россия не рассматривается в качестве “стратегического врага”, поскольку в стратегии безопасности США в XXI веке России уготовлена ординарная роль “средней страны”. Но в случае ее претензий на особый статус, она тут же переходит в разряд стран-изгоев (“rogue state”), что на американском политическом жаргоне означает враждебное для США государство типа КНДР, Ирака, Ливии, Ирана и им подобных. Начавшееся переосмысление роли и места России в мире происходит под влиянием полного разочарования Московскими властями осуществить демократические реформы при одновременных попытках претендовать на один из полюсов многополярного мира - концепция, рассматриваемая как враждебная стратегии США на сохранение и утверждение единоличного лидерства в мире. Все это дает основание американцам занимать более четко выраженную антироссийскую линию по всем азимутам мировой политики, в том числе и в районе Каспийского моря.

Если суммировать все цели США, определенные в официальных и академических материалах, то они, в конечном счете, сводятся к следующим немногочисленным задачам:

- используя заинтересованность стран Центральной Азии и Кавказа в привлечении иностранных инвестиций, взять под контроль их экономики и политику, одновременно готовя почву для встраивания этих государств в свою систему безопасности, возможно, и через механизм НАТО;
- свести до минимума “российский фактор” в регионе, игнорируя экономические и военно-стратегические интересы России;

– использовать доминирование США в регионе для манипулирования странами Центральной Азии и Кавказа против влияния Ирана и Ирака.

Американцы прекрасно отдаёт себе отчет в подлинных целях и действиях России в регионе. Они вместе с тем уверены, что Россия не в состоянии реализовать свои цели по следующим причинам.

Во-первых, у России просто нет ни финансовых, ни экономических возможностей в целом реализовать свои цели.

Во-вторых, в недрах российской политической и экономической элиты существуют группы, отстаивающие собственные интересы, не совпадающие с общими национальными интересами российского государства, что облегчает “игру” США за доминирование в регионе.

В-третьих, вторая война в Чечне, по мнению американских военных, выраженная, например, генерал-майором Робертом Скейлом (в статье за апрель 2000 г.) свидетельствует о неспособности российских вооруженных сил обеспечить безопасность на собственной территории. Из этого делается вывод о как некомпетентности командования, так и о слабой технической оснащенности вооруженных сил.

В-четвертых, они крайне низко оценивают способность российского руководства в принципе реализовать те или иные задачи или уже существующие договоренности со странами Прикаспия, ссылаясь при этом на результаты реформ за последние 5-6 лет. Как совершенно справедливо отмечает бывший высокопоставленный сотрудник ЦРУ (отвечавший за Ближний Восток и Южную Азию), а ныне работник Рэнд Корпорэйшн Грехом Фуллер, “российская тактика, особенно в Каспийском регионе, сработана плохо и возможности у России здесь уменьшаются”.

В качестве примера они приводят также высказывания, суждения и оценки российской стороны о перспективах строительства нефтепровода Баку-Грузия-Джейхан, из которых следовало, что это невозможно в силу дороговизны, нерентабельности и т. д. Принципиальная договоренность Азербайджана, Грузии и Турции (Анкарская декларация октября 1998 г.) о выборе именно этого пути по прокачке основной массы нефти и подтвержденная на переговорах марта 2000 г. опровергла российские прогнозы и одновременно показала, сколь далеки от реальности взгляды российской

стороны на ситуацию в данном регионе. Такой просчет свидетельствует о том, что в российских кругах не понимают одной вещи: главное в американской стратегии - не экономические интересы, а именно стратегические. США готовы заплатить любую цену ради утверждения своего лидерства в регионе.

Китай

Хотя основные геостратегические “игры” в XXI веке КНР будет вести в Восточной Азии, тем не менее, интересы экономической, даже скорее энергетической, безопасности предполагают более глубокое втягивание этой страны в районы Ближнего Востока и Каспийского моря. Причем в первом случае в силу уже утвердившихся отношений Китай оказался в связке с Ираном и Ираком, т.е. со стратегическими противниками США. Не случайно последние рассматривают КНР как одну из дестабилизирующих факторов в регионе. Глубокое втягивание Пекина в казахскую нефть, а в перспективе, не исключено, и в туркменский газ, превращают данное направление для Китая в стратегически значимую из-за планируемого резкого увеличения энергопотребностей как следствие динамично развивающейся китайской экономики. Все это ведет к тому, что КНР явится одной из основных игроков в районе Каспийского моря, интересы которого фактически не совпадают ни с одной внерегиональной страной. Китай, оттягивающий нефть на себя и действительно заинтересованный в ее добыче, представляет конкуренцию западным компаниям, но окажется союзником Японии, которая может использовать нефтепроводы, идущие на Китай, для перекачки собственной доли нефти. На этой почве возникают весьма сложные отношения в четырехугольнике КНР-США (Запад)-Япония-Россия, например, за заказы по строительству самого нефтепровода, финансируемые КНР. В наибольшем выигрыше оказывается Казахстан и другие сопричастные к проекту страны Центральной Азии. Это один из самых сложных узлов взаимоотношений, в которые вплетаются после ядерных взрывов в Индии индийский и пакистанский факторы.

К какой стороне склонятся Казахстан и Китай, зависит от степени стратегической близости этих двух стран с Россией и Западом. И хотя с коммерческой точки зрения выбор очевиден, но он не столь очевиден с позиции политических и геостратегических перспектив.

Дипломатическое искусство России как раз и состоит в том, чтобы убедить Казахстан учитывать общие долгосрочные геостратегические интересы обеих стран, а не

сиюминутные выгоды. Анализ этого узла осложняется тем, что Китай ведет стратегию, рассчитанную, как минимум на 50 лет, в которой США однозначно являются его стратегическим противником. Данный блок взаимоотношений настолько сложен, что даже официальный Вашингтон не может однозначно определить позицию в отношении КНР на каспийском участке, поскольку не в состоянии оценить ни характер ущерба, ни суть выгод от наличия китайского фактора в данном регионе.

4. IV. Основные интересы неприбрежных стран Каспийского региона

Грузия

Позиция Грузии объективно однозначно противоречит интересам России. Она заинтересована в прохождении нефтепровода по грузинской территории в сторону Турции, укреплении тесных связей со странами Запада, особенно с США, в выводе российских войск из Абхазии. Об этом часто пишут грузинские авторы на страницах журнала “Каспийский перекресток”, где они обвиняют Россию во всех неурядицах на Кавказе. Особо следует отметить, что впервые между Турцией и Грузией прошли совместные военные учения “Кавказская Амазония-98” в акватории черноморских портов Поти и Батуми. Они проходили в рамках подписанного 15 апреля 1998 г. в Тбилиси “Меморандума о взаимопонимании в вопросах военного сотрудничества между Минобороны Грузии и Генштабом ВС Турции”. В этом меморандуме была зафиксирована идея “стратегического” военного партнерства между Тбилиси и Анкарой. И это только начало. Следует ожидать, что в недалеком времени США при согласии Турции и Грузии начнут размещать на постоянной основе в Черном море свои военные корабли, а также эскадрилью военно-транспортных самолетов на одном из аэродромов Грузии. Надо иметь в виду, что Э. Шеварднадзе неоднократно заявлял о намерении Грузии войти в НАТО к 2005 г.

Это первые ласточки, извещающие о том, что Грузия, наряду с Азербайджаном, будут кавказскими странами - претендентами на членство в НАТО.

Турция

До некоторого времени Турция находилась как бы на задворках западного альянса, хотя она и является членом НАТО. Европейцы в особенности с большим подозрением относились к этому союзнику, который к тому же имеет “печальную” историю демократии в своей стране. Ситуация изменилась после развала СССР и возникновения нефтяного бума в Центральной Азии и на Кавказе. Эти события значительно повысили ценность Турции в нарождающейся геостратегической игре, прежде всего, в глазах США.

Известно, что Турция, несмотря на свое мусульманство, является светским государством (церковь отделена от государства), т.е. является моделью, которая сознательно противопоставляется исламскому фундаментализму Ирана. В Вашингтоне хорошо понимают, что если влияние Ирана на страны Центральной Азии и в Азербайджане может нести антиамериканские настроения, то влияние Турции, наоборот, разрушая местный фундаментализм, привносит прозападные модели развития. В США не случайно заговорили о том, что “Турции необходимо сыграть этническую (мусульманскую) роль”, лишенную антиамериканизма.

Надо иметь в виду также и то, что, несмотря на историческую трагедию 1915 г., у Турции налажены относительно конструктивные отношения с той же Арменией, которые, правда, могут быть разрушены в любой момент из-за поддержки Анкарой Баку в Карабахском вопросе.

Однако более фундаментально Турция развивает отношения с Грузией, что облегчает им сотрудничество в строительстве нефтепроводов, пролегающих по территориям указанных стран, например, до той же Супсы, а оттуда по железной дороге в Центральную Анатолию. А это опять же отсекает Иран и Россию от “большой” нефти.

Влияние Турции на события начинает ощущаться в реальной политике. Напомним, в сентябре 1995 г., когда обсуждался вопрос перегонки “ранней нефти” из Азербайджана, тогдашний премьер-министр Турции, госпожа Тансик Чиллер угрожающе заявила бакинским эмиссарам: “Ни одна капля нефти не пройдет через Босфор, если Турция проиграет конкурс за раннюю нефть азербайджанского нефтяного проекта”. В ответ АЮС пошел на компромисс: разделил 5 млн т нефти (предполагаемые поставки в год) на две части: одну часть решили пропускать через Россию, другую – через Грузию при спонсорстве Турции. Такое решение было объявлено, как “великая победа турецко-американской дипломатии”.

Усиление значимости Турции подтверждается и тем фактом, что по ее инициативе в 1992 г. была создана Организация экономического сотрудничества на Черном море, куда вошли Турция, Россия, Азербайджан, Армения, Грузия, Украина, Болгария, Румыния, Албания, Греция. Хотя перечень стран не вселяет оптимизма в способность этой организации решать какие-либо серьезные проблемы (все они находятся в состоянии экономического кризиса), однако сам факт ее формирования играет на усиление престижа Турции.

После принципиальной договоренности с Баку о прокладке трубопровода до Джейхана следует признать, что Турция становится ключевым “игроком” в борьбе за каспийскую нефть. Но именно этот фактор может вызвать консолидацию всех антитурецких сил в регионе, причем и на территории самой Турции, активизируя, например, борьбу курдов за независимость.

Другими словами, тенденция усиления роли Турции в регионе в соответствии с законом силы в международных отношениях неизбежно будет вести к перераспределению сфер влияния, обычно оборачивающимся военными столкновениями с другими субъектами региона. Речь идет не только об арабах и персах, но и о Кипре и Греции.

5. V. Складывание нового международного узла противоречий

Ажиотаж вокруг энергетических ресурсов Каспийского моря дал толчок для формирования военно-политического узла противоречий, создающего одну из опасных конфликтных зон в мировой политике, которая уже получила международное название – южная дуга нестабильности. В принципе уже не имеет значения реальный или перспективный энергетический ресурс региона. Важен повод. Особенно для США. Не случайно ЦРУ, также как и министерство энергетики США для того, чтобы обосновать “стратегическую важность региона” для безопасности США постоянно завышают реальные запасы углеводорода в Каспийской зоне. На самом деле, по уточненным данным, они значительно меньше пропагандируемых лидерами стран Центральной Азии и Кавказа, и кроме того, и трудно реализуемые с точки зрения их освоения и транспортировки. Но, повторяем, важны не запасы, а зацепка для расширения зоны влияния США на мировой арене.

Действия основных акторов в регионе ведут к оформлению блоковой конфигурации в прикаспийской зоне мировой политики. По мнению одних, на одной стороне сгруппируются Россия, Иран, Армения и, возможно, Туркменистан, на другой – США, Турция, Азербайджан, Грузия и все более склоняющийся к ним Казахстан. По мнению других, Россия, Армения, Иран, Пакистан, Болгария будут противостоять Турции, Азербайджану, Казахстану и Грузии, опирающихся на поддержку США и Запада. В данном случае не важно, какая конфигурация сложится в реальности. Главное то, что начался процесс выявления союзников и противников в грядущей конфронтации. Причем специфика данного региона состоит в том, что если военные столкновения в Персидском заливе не препятствовали добыче нефти и насыщению ею западного рынка, то в районе Каспийского моря аналогичные столкновения окажут самое негативное влияние на хозяйственную деятельность прикаспийских стран. Главным образом потому, что два основных стратегических противника, США и Россия, объективно, хотя и по разным причинам, более заинтересованы в замораживании всех проектов, нежели в их реализации. Столь же объективно на эту тенденцию будут работать и политико-экономическая нестабильность в самих странах Прикаспия. Необходимо учитывать и такой немаловажный фактор как этнические и религиозные противоречия между Азербайджаном и Арменией, Азербайджаном и Ираном, Арменией и Турцией. Как уже говорилось, весьма сложный клубок противоречий закрутится между КНР–Россией в зоне Казахстана и провинции Синьцзян.

В какой-то момент все названные факторы будут в большей степени определять ситуацию в регионе, чем причина - энергетические ресурсы – породившая их. В этой связи необходимо помнить, что война во Вьетнаме и наше “вхождение” в Афганистан были вызваны намерениями держать под контролем нефтяные шельфы Южного Вьетнама и энергетические и минеральные ресурсы Афганистана.

6. VI. Разработка комплекса мер по защите приоритетных интересов России в регионе

Для того, чтобы не потерять регион окончательно, как это случилось с Балтией, необходимо четко выстроить стратегическую линию по защите национальных интересов России. При этом, сверхнедостаточность финансов и вообще экономических ресурсов может быть компенсирована весьма тонкой политической

игрой, подкрепляемой еще сохранившимися военными рычагами воздействия на ситуацию в регионе. В частности, имея в виду возможное продвижение НАТО к берегам Каспийского моря, необходимо заранее продумать возможность усиления военно-морского присутствия в Каспийском море, создавая полновесную военно-морскую базу и усиливая Каспийскую военную флотилию (Астрахань), а также укрепляя прилегающие к региону военные округа.

По-видимому, необходимо разработать общую концепцию безопасности в регионе как часть Доктрины национальных интересов и безопасности России в XXI веке.

В рамках этой Концепции необходимо четко указать, что Каспийский регион представляет для России зону жизненных национальных интересов, которые будут защищаться всем арсеналом политики национальной безопасности, вплоть до применения военных средств.

В Концепции должны быть сформулированы и отражены формы и средства политики. На этой базе следовало бы выработать частные концепции тактики в отношении региональных и внерегиональных субъектов, вовлеченных в разбираемую "стратегическую зону". К примеру, в общей концепции могли быть выделены такие блоки:

- А) слабые и сильные стороны геостратегического положения России в регионе;
- Б) возможности использования через соответствующую ресурсную политику экономических рычагов, в том числе и через их подвязку к более широким аспектам экономического сотрудничества со всеми вовлеченными акторами;
- В) увязка проектов с экологическими, сейсмическими и другими факторами риска, опираясь на международные организации типа различных подразделений ООН;
- Г) военно-политические средства, препятствующие военному продвижению Запада в регион;
- Д) развитие военно-технического сотрудничества с прибрежными странами и прилегающими к ним неприбрежными государствами;
- Е) геостратегическая игра с Ираном и, особенно, с Китаем вокруг нефтяных и газовых проектов и форм их реализации;
- Ж) использование противоречивых интересов иностранных компаний и т.д.

На базе этой Стратегии формируется механизм реализации поставленных целей с четким указанием ответственности конкретной организации за выполнение конкретной цели.

Поведение России на других участках международной деятельности не должно противоречить стратегическому курсу в районе Каспийского моря. Нельзя, например, одновременно, поставлять оружие Кипру и “ублажать” премьер-министра Турции “приманками” экономического сотрудничества; разрабатывать проект газопровода по дну Черного моря до той же Турции и вместе с тем выступать против прокладки нефтепровода по дну Каспийского моря. Другими словами, надо четко для себя уяснить, кто является стратегическим союзником России, а кто является стратегическим противником. Попытки “ладить со всеми” всегда в мировой политике оборачивались провалом. Поэтому с учетом нынешней реальности необходимо придерживаться ясной позиции относительно Азербайджана, Грузии и Армении, активизировать “иранское” направление, попытаться перехватить инициативу в Казахстане и еще не совсем потерянном Туркменистане. Проводить жесткую линию на военное доминирование в Каспийском море.

В целом необходимо выработать комплексный документ, возможно, под названием “Стратегия и тактика обеспечения безопасности России в районе Каспийского моря”, который стал бы руководящей основой реальной политики России в данном регионе.

* * *

Общий вывод. Изменение геополитического положения России, комплекс причин, связанных с ресурсными, экономическими, экологическими, правовыми и другими особенностями Каспийского региона, делают его центром противоречий глобального характера. Переломить развивающиеся здесь негативные тенденции, обеспечить стратегические интересы России можно лишь своевременными интегрированными усилиями ключевых государственных ведомств при активном внешнеполитическом маневре, обеспечение которого возможно только в том случае, если он будет базироваться на дальновидной перспективной политике, в основе которой лежат доктринальные представления, складывающиеся в результате фундаментальных научных проработок и обобщенных научно-организационных мероприятий.

При цитировании были использованы следующие материалы:

AHRARI M. E. with JAMES BEAL. THE NEW GREAT GAME IN MUSLIM CENTRAL ASIA McNair Paper 47 January 1996.

Aliyev Kenan. Security in the Caucasus: Caspian Crossroads Interview with US Lt. Gen. William E. Odom. - CASPIAN CROSSROADS MAGAZINE Volume 4, Issue #2, Winter 1999.

Annual Report to the President and the Congress. William S. Cohen, Secretary of Defense. 2000.

Annual Report to the President and the Congress. William S. Cohen Secretary of Defense. 1999.

Blank, Stephen J.. U.S.Military Engagement with Transcaucasia and Central Asia. SSI, June 2000.
Brownback, Sam. U.S. Economic and Strategic Interests in the Caspian Sea Region: Policies and Implications. - CASPIAN CROSSROADS MAGAZINE Volume 3, Issue No.2, Fall 1997.
Cohen, Ariel. THE NEW "GREAT GAME": OIL POLITICS IN THE CAUCASUS AND CENTRAL ASIA. Backgrounder No. 1065, January 25, 1996.
Fuller, Graham. Geopolitical Dynamics of the Caspian Region. - CASPIAN CROSSROADS MAGAZINE, v.3, #2, Fall 1997.
Gage, Mark. Heritage Lectures, #607, April 6, 1998.
Henze, Paul B. and Wimbush, S. Enders. AMERICAN MIDDLE EAST POLICY: THE NEED FOR NEW THINKING. - CASPIAN CROSSROADS MAGAZINE. Volume 2, Issue No.3, Winter 1997.
The Heritage Foundation: Executive Memorandum, № 675, June 1, 2000.
A National Security Strategy for A New Century. The White House, May 1997.
A National Security Strategy for A New Century. The White House, October 1998.
A National Strategy for A New Century. The White House, December 1999.
Ruban Larisa. Growing Instability in the North Caucasus: A Major Threat to Russian Regional Security. - CASPIAN CROSSROADS MAGAZINE. Volume 3, Issue No.2, Fall 1997.
Scales, Robert H. Russia's Clash in Chechnya: Implications for Future War. - 2000 National Security Studies Quarterly, 14 April 2000.
Transforming Defense. National Security in the 21st Century. Report of the National Defense Panel. Wash.D.C. December 1997.

Прим.: Все материалы получены через Интернет.

Опубликовано: Олег Арин. *Россия на обочине мира*. Москва: Линор, 1999.